

в) Ср. приведенный Я.И. Гинном [Гин 1992: 99–100] сонет П.Д. Батурина, построенный на основе оппозитивного олицетворения, месяц обращается к солнцу: *Скажи-ка, Солнышко, сестрица дорогая, / Скажи-ка, несть ты всегда, как девушка земная. В сонете есть две оппозиции по полу: 1) месяц (мужской пол) / солнце (женский пол); 2) солнце (ж.пол) / море (м.пол) – выбор значения пола моря мотивирован дважды уже определенным в первом противопоставлении женским полом оппозиита и заменой существительного *море* на *царь морской*.*

1) Ср. функционирование суш. типа *солнце, море, горе* в поэзии (цит. по: Гин 1992: 103-105): *Солнышко – вердышко, красная девица, ходит по синему полю, / Ходит по небу, а смотрит на землю, / Хочет сменить свою долю, / «Будет, – сказала, – мне синего поля, / Хотите мне изурюда!»* (К.Д. Бальмонт. Гимн солнцу) [Гин 1992: 103]; из В. Маяковского: *Солнце! / Огней мой, Металловое солнце, / Сумасшедший мавр... / ... ступишь в обиходах ты...*» (В. Маяковский. Необыкновенное приключение) [там же].

Как считает Я.И. Гин [Гин 1992: 106, 108], у суш. *море* и в фольклоре, и в литературе решительно преобладает тенденция к маскулинизации. Вероятно, это связано с его противопоставлением *земле*: *Акын-море – всем морям отец / Почему он всем морям отец?* (Толубиная книга); ср. А.С. Пушкин «К морю»: формы м.р. согласуемых с суш. *море* слов «ты ждешь, ты зовешь», т.к. море предстает в тексте как друг поэта (Виноградов. Стиль Пушкина).

Интересны примеры Я.И. Гина относительно функционирования сущ. *горе*. Род и пол, как отмечает Я.И. Гин, в русском языке тесно связаны, именно поэтому, по мнению Гина, субстантив, имеющий сему пола, не может принадлежать к ср.р., ср., например: *Gore odeta vo vse' beloe*; *Gore govorit* [Гин 1991: 107, Гин 1996: 81]. Сущ. *горе* тоже в поэтических и фольклорных текстах может согласовываться как по мужскому, так и по женскому роду.

2) Маскулиннизация горы в разных вариантах песни из сб. Кириш Да-нилова проявляется в ассимиляции горы с молодом. При этом, как отме-чали В.В. Виноградов и Р.О. Якобсон, постепенное динамическое «пре-одоление» среднего рода мужским, совершающееся при помощи ряда лек-сических и грамматических средств, свидетельствует в пользу антропо-морфизационной сексуализации: (в нач. песни) *А и лыком горе подноса-лось*, (далее) *А горе зашел, вперед сидит...* / *Как я на-то стал, насмеялся* и. Аналогичный переход олицетворяемого Горы из ср.-р. в м.р. совершает-ся в двух вариантах нар. песни, записанных на Печоре Н.П. Леоновым (см. Гинн 1996: 27). В варианте М.Р. Голубевой: – *Горе, горе, где живешь?* / – *В кабане за бошкой, / Горе, горе, что живешь?* / *Сухари с водичкой*, (финал) –

И вот перед тобой мой лес, / Горы в ... пазуху зашел (форма м.р.). / Куда бы ни
пошел / За все оно хвасталось. «Источником / «возвращение» к ср.р.
(«хвасталось») как персонификацию невозможно: глагол «хвастаться»,
как и «зашел», обозначает активное действие, присущее существу оду-
шевленному, или же «горе» в данном контексте имеет признаки м.р. и
ср.р. одновременно. «Возможно, само появление ср.р. вызвано необходи-
мостью рифмовки» (см. Гин 1996: 29).

[illegible]

у А.К. Толстого мы находим драматическую маску/длиннацию в его стихотворении *Чужое горе* персонализированное *горе* говорит болячкой: «*Я тебе не чужой*». В стихотворении *Уж ты мать-тоска, горе-гореальце!* под *Горы* колеблется: «*Ах ты горе, боатырь мой*»; само *Горе* говорит: «*Выступало-то я красной девицей*». Этот текст связан с традиционной феминизацией *Горы*, основанной на его ассоциации с таинственными женского рода, как «*доля/неделя*», «*нужда*», «*беда*», «*тоска*», «*кручина*» [Гин 1996: 31].

д) В стихотворении А.В. Кольцова «Горе» герой обращается к «горю» (Горю), поднимает его «востыю» («востыю» — «востыню», «востыню» — «востыню»).

е) В прессе-сказке С.Я. Маршак «Горя ботаться — счастья не видать» есть женский облик, например, в ремарке «из думца, словно из окошка, высовывается старушечья голова». Местоимения «я» и «ты», относящиеся к Гору, имеют при себе родозаменяемые слова ж.р. Ср. ж.р. «прощаста», «тыком подыясина», «не выстасась», «озыбла», «дмури-

лась», «изгородилась», «иссохли», «свела. Горе о себе поет. Урожай и на свет / Горькая сиротка. Ж.р. тв: «проклятая», «родимая», «сестра», «посылая», «не глядела бы». Разные персонажи обращаются к Гору так: «бабушка», «голлубика», «матушка», «старица». Но есть примеры ср.р.: «Мое горе, «Горе – оно пьющее», «Это радость красна, а горе серо» [Гин 1996: 32].

ж) Интересна динамика рода (последовательное отчуждение на прагматическом уровне признака пола от имени персонажа):

Солдат. Что он тут сказал? Про какое такое (ср.р.) горе-злосчастье?

Горе Это он про меня, служивый, сказал.

Солдат. А кто же ты будешь?

Горе (показываясь) Я – твое горе-злосчастье.

Солдат: Мое горе-злосчастье? Да откуда ж ты, бабука, взялась? (цит. по: Гин 1992: 98, Гин 1996: 32-33).

Феминизация *гора* связана с Лихом народных сказок, появившимся в женском образе [Гин 1996: 33].

Возможно, вытеснение ср.р. мужским/женским – следствие тенденции к элиминации ср.р., свойственной многим индоевропейским языкам [Гин 1996: 33].

д) Интересен в плане доказательств проявления асемантичности ср.р. случай нарушения распределения ролей. Так в следующем ниже примере сущ. *лето* передает семантику *ж. пола*, сущ. *земля* – *м. пола*: *Лето говорит земле / Я уйду – роскошная южанка – / И к тебе, на выставшее ложе, / Низойдет любовница другая...* (К.К. Случевский. Стихотворение «Прошание лета») [Гин 1992: 86].

е) А.И. Гвоздев в работе «Формирование у ребенка прагматического строя русского языка» [Гвоздев 1961] писал: «... *согласование в м. и ж. роде усваивается раньше, чем в среднем*» (с. 443); комментируя пример замены синтаксического ср.р. мужским у слова *полено* в речи двухлетнего ребенка, он пишет: «Но кроме *олицетворения в игре*, здесь *возможна и замена ср.р. мужским, которая еще продолжается в этом периоде*» [Гин 1992: 115].

А.В. Миртов в работе «Родоизменяемые существительные» сделал следующее наблюдение: «Олицетворя *Солнце*, Горький оказался в затруднении: *родоизменялки? родоизменялки?* Не подходит ни то, ни другое. И он нашел выход: «*И над всем радостно царит пресветлое солнце, радоначиные людей и богов...*» [Гин 1992: 84]. Здесь используется форма древнего звательного падежа м.р., совпадающая с формой современного ср.р. (Миртов А. Родоизменяемые существительные) (цит. по: Гин 1992: 84).

Возможна разная степень мотивированности выбора значения пола для слов ср.р. (см. Гин 1992: 84-85 и др.): 1) немотивированность (нет мо-

тивации) *Потворение – мать учения* (пословица); 2) ассимиляция // *вот выходя на полу: В нас ум – космополит, а сердце – домосед...* (П.А. Власович). *Знание – брат, и Наржа – сестра* (Н.А. Клюев). *Ассимиляция* по полу происходит и в следующем контекстном семантическом единстве *Шли три брата: / Первый-то братец – / Рождество Христово, / Второй-то братец – / Крещение господне, / Третий-то братец – / Великий Крестовский*. В поэме И.Л. Сельвинского «Рысь» женский пол *вотворенного счастья ассоциируется с судьбой: Кого судьба ласкает и кого жалеет? / Ужель всегда того, кто образцов? / Кого выносит на крыльях своем / Шлирий-счастливый голосистый зов. Диссимиляция по полу происходит, например, при оппозитивном олицетворении, когда пол персонажа «от противного», ср., например, стихотворение В.И. Иванова «Вечность и миг»: *Мгновенью ль улыбалась, рдеет, Вечность? / Любясь вечно и дружно К ней Мгновенье. Женский пол Вечности подчеркнут семантикой (улыбалась, рдеет) и прагматически (к ней) – тем самым усилена и подчеркнута диссимиляция Мгновения, прямо заявленная в названии (Миг). Ср. в заголовке «Воскресенье с понедельником, вторник со средой, четверг с пятницей, а тебе, суббота, дружки нет». В этом примере диссимиляция по полу дополняется репрессивной ассимиляцией *воскресенья со средой, пятницы и субботой*. Ср. загадку про лето – *У мужа три жены...***

Главным образом, по мнению Д.И. Гина, ср.р. с точки зрения пола ассимилирует: «в современном русском языке существительное ср.р. никогда не имеет значения *пола*» [Гин 1996: 26]. Это, как полагает Гин, доказывает («от противного») тем, что при олицетворении, когда актуализируется полный прилагательность слов ср.р. (например, *горе*), слово ведет себя как сущ. м.р. либо ж.р., т.е. сущ. ср.р. при персонализации переходит в м.р. либо в ж.р.

Рассмотрим теперь более подробно одушевленные существительные ср.р. и их отношение к семантике пола в рамках данной (второй) точки зрения. Из одушевленных существительных значение ср.р. имеет лишь небольшая группа слов: *дитя, лицо, личность, существо* живое существо, *животное, божество, ничтожество* (о человеке) и слова – названия *полюсочное, кичежно-полюсное* (степ.), *млекопитающее, земноводное, существо* существительные *сред. р. чудовище, чудище, страшилище* по отношению к лицам применяются только метафорически (АГ-80, т.1, §1136). Такие слова рассматривает Г.И. Панова, причем, как показывают ее рассуждения, эти примеры не противоречат общей идее о семантической значимости среднего рода. Искючение, как пишет Г.И. Панова, составляют слова, называющие сверхъестественные существа, слова со значением *десткости, злона* с оценочно-эмоциональным значением, субстантивы и др. (*сущест-*